

Матлин Михаил Гершенович

**ШУТОВСКАЯ СВАДЬБА В СИСТЕМЕ ПОСЛЕСВАДЕБНЫХ ТЕАТРАЛЬНО-ИГРОВЫХ СЦЕНОК
РУССКОЙ ТРАДИЦИОННОЙ СВАДЬБЫ**

В статье рассматривается вопрос о роли и месте шутовской свадьбы, разыгрываемой ложной брачной парой, в русском традиционном свадебном обряде. Раскрыты способы создания смехового начала как в облике ложной брачной пары, так и в действиях, совершаемых ими и над ними. Дана типология сценок шутовской свадьбы, обозначена их связь с народной смеховой культурой.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2014/8-1/32.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 8 (38): в 2-х ч. Ч. I. С. 122-126. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2014/8-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

УДК 398.3

Филологические науки

В статье рассматривается вопрос о роли и месте шутовской свадьбы, разыгрываемой ложной брачной парой, в русском традиционном свадебном обряде. Раскрыты способы создания смехового начала как в облике ложной брачной пары, так и в действиях, совершаемых ими и над ними. Дана типология сценок шутовской свадьбы, обозначена их связь с народной смеховой культурой.

Ключевые слова и фразы: русская традиционная свадьба; театрално-игровые сценки; смеховой мир; антиповедение; ряженье; ложный свадебный персонаж.

Матлин Михаил Гершенович, к. филол. н., доцент

Ульяновский государственный педагогический университет им. И. Н. Ульянова

matlin@mail.ru

**ШУТОВСКАЯ СВАДЬБА В СИСТЕМЕ ПОСЛЕСВАДЕБНЫХ
ТЕАТРАЛЬНО-ИГРОВЫХ СЦЕНОК РУССКОЙ ТРАДИЦИОННОЙ СВАДЬБЫ®**

Публикация подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда – проект № 13-04-00254.

В русском традиционном свадебном обряде XIX–XX вв. наряду с известными свадебными чинами – женихом, невестой, дружкой, тысяцким, свахой и др. – можно выделить еще одно действующее лицо – назовем его «ложным свадебным персонажем». Под ним мы будем понимать участников свадьбы, связанных или нет родственными отношениями с родом жениха или невесты, которых презентуют или которые сами себя презентуют за жениха, или невесту, или брачную пару. Эта презентация, как правило, представляет собой специфическое ритуально-игровое, чаще всего смеховое, испытание одной из сторон брачного процесса.

Ложная брачная пара как один из видов ложного свадебного персонажа появляется, как правило, на послесвадебном этапе – на второй или третий день. «Бывает так, что когда молодые заходят в дом жениха, чтобы занять свое место, там уже сидят «молодые» (конечно, в шутку). Причем мужчину наряжают невестой с большими грудями или изображают невесту убогой: горбатой, косою, одноглазой, кривоногой и т.д. Их прогоняют» (ЖАФ).

Ложная брачная пара может не только занимать место подлинных молодых, но ее могут выводить в ответ на требование родных невесты или жениха. «На второй день «кашники» приезжали в дом жениха на угощение: «Уже назавтре кашники были. <...> Ну, сваи ронные там сабранные – тетки там, плямённицы какии – едутъ ўже назавтре» (Краен., Барашково 1544–19).

Кашникам выводили РЯЖЕНЫХ «молодыми»: «Назавтре, к вечеру, едутъ кашники». Там «евай чудяса тожа». Сначала угощали, а как «разгуляютца, патом падводють кашникам разных: абделають какую-нибудь девку, или женщину проста и мужчину, падходють, здаровкаютьца, нарошна (эта шутки). А кашники кричать: «Эта ня наши, спрячьти!». И вот нескальки пар – три, чатыри, а то и больше привядуть, все кашники кричать: «Ня наши». Пака маладых привядуть, настаящих. <...> [Тогда] тожа вместе с кашникам за стол. И вот эта свадьба прадолжитца» (Опоч., Терехи 2267–04) [11, с. 513]. «Молодые прячутся в доме невесты. Подруги невесты запирают дом, а какие-нибудь парень и девушка рядятся в жениха и невесту. При этом надевают не по размеру большую одежду, обычно порванную. Мажут сажей лицо. Гости приходят в дом невесты, спрашивают, где молодые. «Вот они!» – и появляются ряженые. «Нет, не они» – отвечает дружка, и поиски начинались снова» [18, с. 151–152].

В приведенных примерах весь интерес сосредоточен на подмене, на замещении подлинных новобрачных их смеховыми дублерами. Особых действий ни ложная пара, ни участники свадьбы не совершают. «Ой, я сама чудила! Как нарядимся: и штаны, и фату – всё сделаем. Вот у этой Шурки мы сына жанили в Гоголевке. Я сделала себе вянок, фата такая была. А яе зять чулок надел на галаву такей, что ни познать хто. Ехали мы в автобусе – я за нявесту, он за жениха. А там садились атдельна. Невеста с женихом, тые за столом без вянка, а мы уже в вянку. И чудили (Мнс., Палевичева Буда)» [6, с. 32].

Порою смеховое начало в облике ложной пары создавалось не столько пародированием свадебной одежды, что связано с традицией ряженья в целом, сколько акцентированной антропологической инверсией. «Появляются нарядчики, «ридуриваются»: один из нарядчиков одет «женхом», другой – «вестой». «Невеста» была высокой, «жених» – низеньким. Гости шумят: «Нет, это не наши жених и невеста». Дружка почти гасит огонь, в это время тихонько выводят нарядчиков, а деверь вводит настоящую пару» (МАИ, ША).

Такой принцип создания смехового начала в ложной брачной паре был весьма популярен: «изображают невесту убогой: горбатой, косою, одноглазой, кривоногой и т.д.» (ЖАФ). Но еще более распространена была инверсия гендерная, когда «мужчину наряжают невестой с большими грудями» (ЖАФ), а в жениха «абделають какую-нибудь девку, или женщину проста и мужчину» [11, с. 513].

Часто смеховой эффект создавался за счет сочетания разных инверсий в одной паре.

Также в приведенных примерах наряду с мотивом подмены, который организует сценку, частично присутствует и мотив угадывания, имеющий, правда, исключительно игровой характер.

Другой тип сценки с ложной брачной парой строится так, что мотив испытания/угадывания или уходит на второй план, или уже отсутствует, и вся она полностью организуется персонажами и зрителями как смеховое театральное-игровое зрелище. Например, как смеховая «борьба» между подлинной и ложной брачной парой, требующая умения импровизировать в процессе развития действия. «Иногда даже мы с женихом думали, а кто же мы на этой свадьбе, потому что еще одна невеста ходит, еще один жених. И не просто ходят, у них были свадебные наряды, имитирующие жениха и невесту. И вот они приставали, эти ряженые, к гостям, что –жак это – мы жених с невестой, а вы нам ничего не дарите! Вы нас ничем не угощаете!» А гости в таком недоумении якобы: «Что вы такие?!» Вот там были целые разборки, и нам пришлось сражаться с этими ряжеными и доказывать, что не они жених и невеста, а мы» (ИТЛ).

В некоторых случаях данная сценка может отрываться от конкретного свадебного обряда, акта и превращаться в импровизированное театральное представление уже без соотнесения с подлинной брачной парой. Такое действие приближается к так называемой шутовской свадьбе, которую, как отмечал А. В. Гура, разыгрывают в конце свадьбы. Ее участники – ряженые «молодые» («старик и старуха, мать невесты и отец жениха, мать невесты и сват»). На этой «свадьбе» воспроизводятся «все основные моменты обряда: обмен кольцами, венчание –нопом» на мусорной куче с обведением –молодых» вокруг ступы, завивание –молодой», раздача шутовских подарков, отведение в спальню и т.п. (полес.). Ряженых –молодых» возят по селу на бороне, ломаной телеге и т.п. и сталкивают в канаву. В Киевской и Житомирской обл. пародийную свадьбу разыгрывают с родителями жениха или невесты, женившимися или выдавшими замуж последнего из своих детей» [5, с. 582].

Но не всегда в русской народной свадьбе шутовская свадьба включала «все основные моменты обряда», часто выбиралось наиболее интересное и привычное действие – смеховое венчание. «На второй день наряжались молодыми. Нарядят ёлку и свахе дадут. На –невесту» уваль накинута, венок. –Ноп» одеялом накроется, лапоть берёт и венчат понарошке. –Ноп ходит с кадилово, Сам глядит на милую» (ГАД). Именно оно, как известно, было весьма популярной святочной игрой [3, с. 523-524; 7, с. 43-45, 86]. Такое же смеховое обыгрывание венчания мы обнаруживаем в народной драме «Царь Максимилиан» [19, с. 212-215].

Часто шутовская свадьба ограничивалась обходом села, посещением разных домов. Ложная пара при этом требовала угощения, жаловалась на бедность и просила подарки. «Да, там которые эти, солегдяне ходят ряжутся, кто на свадьбе-то гуляет, солегдяне называются. Вот разряжаются и ходят, идут по поселку, кто чего, кто просит денег на невесту и жениха, то у кого-нибудь че, то придет в дом, стряпают, праздник какой, пекут че и это печиво принесут и все. <...> Это на второй день свадьбы ходили... женщины снаряжаются женихом и невестой, оденут как ходят вроде, что мы там все говорят, что мы женились, что у нас ничего нет, все им там подают, село че, разной ерунды, кто во что горазд, наподоют и кукол. <...> Они че, просят, говорят, что мы идем со свадьбы, надо жениху, невесте. Когда под врата идут, говорят: мы жених с невестой. Кто чего» (МЕН). «По деревне идут, приданое кажут, там жениха, невесту нарядили, а молодожены-то дома остаются, настоящие-то, помогают стряпкам» [12, с. 93].

Такой обход также имел прямые параллели в календарной обрядности. В частности, на Святки и Масленицу во многих регионах России существовала традиция «свадьбой ходить» [10, с. 48-50].

Но в некоторых регионах ложная брачная пара действительно разыгрывала на улицах села настоящее театральное действие, в котором происходило смеховое обыгрывание не только брачной традиции, но уже семейных отношений «молодых». «...Невестой с женихом рядились. Я сама два раза рядилась. Вот это второй день. Я вот нарядилась невестой, а Костя нарядился женихом, тута всё надела рваное, я тут вот обрезала штаны, босиком, уж летом это было, вот и бегу, а он за мной с ружьем: –Застрелю! Ты что, такая-сякая, убегаешь?» – ругает меня. А я прибежала к матери-ти, а она печь топит, я ее за ногу зацепила, его мать. Ну, а я в роли невесты: –Не пойду я, мамынька, больше, он такой-сякой, я не пойду к нему больше!». А она говорит. –Да иди, иди!». С узлом! Набрала узла, будто совсем я убежала! Тут всякого шобла в узел навязала. А она меня прогоняет, а он тащит меня, ружье поставил: –Нойдем, ты такая-сякая, нехорошая!». – –Я всё равно с тобой жить не буду, не понравился ты мне!». <...> Ну и за стол, тут почудили, почудили, и за стол. Выпили, угостили нас, вот тут пошли парой» [14, с. 121].

Такое смеховое обыгрывание бытовых семейных сцен в данном селе было традиционным. Та же информантка вспоминала, что раньше, когда она еще «в девчонках была» «рядились женихом, сядился он верхом на лошади, к узде-то привязали вожжи. И вот она уцепилась, и в пруд, но пруду ташут! Ну, невестой рядилась... По пруду! Лошадь идёт, жених едет верхом, а она тащится, далёко, чтобы не ушибла ноги, вот за вожжи держится, уцапилась. А её тащут по всему пруду. <...> Ой, а народ соберётся, смеху» [Там же].

Одним из ярких и необычных вариантов развития шутовской свадьбы является предявление ложной брачной паре ложных родителей невесты. При этом смеховому обыгрыванию подвергаются не только участники сценки, но и столовые приборы и пища. «На второй день, значит, молодые (ну, оне молодые но-чевали у жениха) второй день теща печёт яичницу и блины. Молодые, значит, идут оттуда тещу искать: наряжают молодых не этих, а кого-то там наряжают молодыми и идут, а теща с тещей наряжают тоже тещу с тещей кого-то, для смеха. И вот те, значит, приходят, ага, молодые садятся за стол, ну оне, естественно, что молодые не наши, вот вам и тесть с тещей. Те тоже: –Ой, это не наши сватья, это не наши, это не наш, не наши, гоните их. Давайте нам наших сватьёв, настоящих». Они, значит, выходят, говорят: –Молодые тоже не наши». И вот их тоже выгоняют, смеются, кто что там говорят. Оне приходят; просят яичницу, сядут за стол, вот эти, которых наряжают, им подают вилки там, вот это то вилы, то лопату – это вам ложки, это вам вилки, ешьте блины, какую-то черепень поставят. Им подают: –Во вам яичница». И они: –Нет, нет, это не наша. Давайте нам настоящих тестя с тещей». Они когда выходят, тоже молодые не наши, их выгоняют, приводят настоящих молодых и подают яичницу» [2, с. 146-147].

В южно-русской традиции наблюдается устойчивое закрепление роли ложной брачной пары за родителями молодых. В определенной степени они становятся главными героями свадебного представления, обладавшего устойчивыми и театрально разработанными элементами. «Заключительным аккордом второго дня было катание и купание родителей с уличными играми и ряженым. Действие пародировало свадьбу. Жениха и невесту изображали родители молодых. Степень разыгранности сцены зависела от фантазии и настроения участников, однако всегда соблюдался примерно один сценарий. Для «молодых» готовили «одводу»: украшали повозку цветами, лентами, ветками. В подводу впрягали «жошадей», которых изображали ряженые. Лошади время от времени останавливались, требовали напоить их. «Молодые» давали им горилку и погоняли батогами. Родителей с шутками и песнями провозили по всей улице, старались выкатить в грязь и выкупать в водоеме, затем привозили домой, сушили и переодевали в новую одежду» [17, с. 85].

Это сближает данную традицию с украинской и белорусской. Как отмечал А. В. Гура, «в Киевской и Житомирской обл. пародийную свадьбу разыгрывают с родителями жениха или невесты, женившимися или выдавшими замуж последнего из своих детей» [5, с. 582]. Приведем один из полных вариантов описания украинской традиции. «Пора уже стариков женить. Идут, сватают. Отца и мать молодого будут женить. Вот старик идет к своей старухе и говорит: «Любишь ли ты меня?» Она отвечает: «Не хочу тебя». Тогда он говорит: «Да ты же у меня ничего не будешь делать, будешь только на печи сидеть». <...> Тогда их уже начинают венчать. Теперь они выкатывают ступу, кладут заслонку: из соломы делают венки, приводят «молодых», ставят. <...> [Вырядится кто-нибудь попом, дерюгу на себя надевает и шапку – из свитки рукав, на нее цепляет лапти и венки из лука – это короли. Водят их вокруг ступы и толкут сажу толкушей, и сажа летит на «молодых». <...> Затем берут куль соломы и под печь, в сених, стелют постель, чтобы на них сажа летела. Берут портянку из дымохода, это – платок; они берутся за платок и идут наконец спать. Если они не ложатся, их укладывают силой и укрывают. Приходят дружки, спрашивают, справились ли они уже? Тогда они отзываются: «Уже!» Дружки поднимают их, ведь «молодые» изрядно намучились. Поют: «Темного луга калина, / Доброго батьки детина». «У свата есть бутылка, / А у свахи – банка, / Ведь была е<банка>». Теперь берут квас свекольный и перепивают их. И они этим квасом обливаются» [8, с. 186-187].

Однако существуют и варианты не смехового, а уважительного почитания родителей, выдавших замуж последнюю дочь или женивших последнего сына. «Якщо в батька син жениться послідній або послідня виходить дочка заміж, то в'ють вінок і надівають на голову батьку, а як нема батька – на матір» [1, с. 144] / «Если у отца женится последний сын или последняя дочь выходит замуж, то вьют венок и надевает на голову отцу, а если нет отца – на мать».

В белорусской народной свадьбе, например в Гомельской области, «женитьба» родителей происходила на третий день. «Звычайна робяць трэці дзень вяселля, дзе жэняць бацькоў маладой. <...> Бацькоў смешна ўбіралі, садзілі на воз і ехалі на цэнтр. Ёсё гэта суправаждалася рознымі песнямі, танцамі» [4, с. 421] / «Обычно делают третий день свадьбы, где женят родителей молодой. <...> Отца смешно одевали, сажали на воз и ехали в центр. Все это сопровождалось разными песнями, танцами».

Правда, и в украинской, и в белорусской традиции были возможны и варианты шутовской свадьбы, совпадающие с русской, причем роль брачной пары могли играть не только родители, а любые гости свадьбы. «З гасцей выбіраюць маладога и маладую, дзеляць каравай. Садзяць маладых на кут, вешаюць вянок цыбулі на маладую. Калі ў сям'і было апошняе дзіця, то за маладых садзяць бацькоў» [Там же, с. 438] / «Из гостей выбирают молодого и молодую, делят каравай. Сажают молодых в угол, на молодую вешают венок из лука. Если в семье был последний ребенок, то за молодых сажают родителей».

Эта пара, как и в русской традиционной свадьбе, могла приходиться в дом невесты в составе ряженных – «цыган». «Калі цыгане ішлі па вуліцы да нявесты, трэба было хаваць курэй, каб не пакралі. Цыгане ідуць з песнямі, жартамі. У хаце нявесты цыгане, пераадзетыя ў маладых, скардзяцца на сваё цяжкае жыццё, цыганоў запрашаюць за стол, частуюць» [Там же, с. 32] / «Если цыгане шли по улице к невесте, то нужно было прятать кур, чтобы не украли. Цыгане идут с песнями, шутками. В доме невесты цыгане, нарядившиеся в молодых, жалуются на свою тяжелую жизнь, цыган приглашают за стол, угощают».

Среди сценок, которые могла разыгрывать ложная брачная пара, как и в русской свадебной традиции, встречались смеховые игровые импровизации на тему семейных отношений. «Переряджені в «молоду» й «молодого» чоловік і жінка сідають в центрі і, жартуючи, вдають, ніби частуються принесением: п'ють з бурякової чарки підфарбовану в червоне воду, «їдять» шкарлупу з яєц. «Молодий» примушує «молоду» дойти «корову» – опудало зайця, що на столі. Та «вміє». Він, удавано розгнівавшись, кричить: «Тобі, Тетяно, подуровали вчора корбу, щоб робила норму». Після недвозначних грубуватих жартів і натяків підставні «молодий» и «молода» виходять з-за столу, а натомість сідають справжні молоді й гості...» [1, с. 422] / «Переряженные в «молодую» и «молодого» мужчина и женщина садятся в центре и, шутя, изображают, будто угощаются тем, что им поднесли: пьют из рюмки, сделанной из свеклы, подкрашенную в красное воду, «едят» скорлупу от яиц. «Молодой» принуждает «молодую» дойти «корову» – чучело зайца, [которое лежит] на столе. Та – «не умею». Он, притворно разгневавшись, кричит: «Тебе, Татьяна, вчера подарили корбу, чтобы делала норму». После недвусмысленных грубоватых шуток и намеков подставные «молодой» и «молодая» выходят из-за стола, а вместо [них] садятся настоящие молодые и гости».

Рассматривая шутовскую свадьбу как одну из театрально-игровых сценок русской народной свадьбы, которую разыгрывали, как правило, на второй или третий день, необходимо отметить принципиально иное развитие данной традиции на Урале. Дело в том, что там зафиксировано исполнение шутовской свадьбы не после, а до свадьбы. Детальное описание этого эпизода приведено в рукописи И. Я. Стяжкина: «В день обручения днем девушки собираются по деревне покататься на одной или двух лошадях или парах, или, как

говорят, «ездят гулять». Несколько девушек наряжаются парнями. Девушки изображают свадьбу. Тут есть наряженный дружка с подружьем, жених и молода. Девушки завивают себе кудри (пейсы), переодеваются, масок не надевается и ничем не мажутся. Из мужчин только кучера, остальные все девушки. Дружка с подружьем одеваются в кафтаны, надевают набекрень шапки; в руках у них несколько связанных платков, которыми они размахивают во время катанья. Девушка – жених – тоже одета в кафтан. Невеста – в шуби-«фаланке», на голове надет шелковый платок – «полшалок» и сверху – шаль; летом – только – полшалок. Поются песни – проголосные, повертушки. Ездят по деревне, проезжают мимо дома жениха и потом, в другой раз приворачивают к дому, заходят в ограду» [13, с. 182].

Дальнейшее развитие этой сценки строится на сочетании двух свадебных обрядов: предсвадебном посещении дома жениха девушками и приезде свадебного поезда в дом к ней в день венчания. Во-первых, само посещение дома жениха в шутовской свадьбе имеет вполне конкретную обрядовую цель – обмен подарками: жениху «вручают невестины подарки – нижнее белье, портянки, рубашку, полотенце», а невесте от жениха передают два веника, при этом один украшен «конфетами, лентами, второй – мылом» [Там же, с. 181]. Смеховое начало может проявляться здесь в таком традиционном действии, как подмена мыла картошкой, свеклой и т.п. Во-вторых, при проезде ряженных по селу, как и во время движения свадебного поезда за невестой, парни села преграждают им путь, требуют выкупа. «По дороге их нередко встречают парни и «шутят» – выпрягают лошадь, снимают с телеги колеса и т.п. От шутников откупаются вином» [Там же, с. 182-185].

Данный вариант показывает, насколько непредсказуемо бывает развитие традиции, какие неожиданные трансформации претерпевают элементы свадебного обряда в процессе превращения в яркие смеховые театрально-игровые сценки.

Из приведенных примеров видно, что шутовская свадьба, являясь одним из типов свадебных сценок с ложными свадебными персонажами, обладает хорошо развитой вариативностью, выразительной театральностью, по-разному входит в свадебную обрядность. Будучи в широком смысле этого слова явлением смехового антимира [9, с. 3-6], типом антиповедения [15, с. 460-476; 16, с. 143-164; 20, с. 19], она в то же время представляет собой одну из ярких областей русского народного смехового мира.

Список информантов

Архив Марийского государственного университета

МАИ, ША – Меледина А. И., 1913 г. р., Шмакова А., 1916 г. р.; с. Покровское Горномарийского района РМ; записали Лер С. О., Копанева Е. Ю.

Архив Сыктывкарского государственного университета

МЕН – Кировская область, с. Безбожник, Малкова Е. Н., 1925 г. р.

Архив Ульяновского государственного педагогического университета им. И. Н. Ульянова

ГАД – 1979 г.; Гордеева А. Д., 1915 г. р.; с. Чумакино Инзенского района Ульяновской обл.; записала Герасимова Н. И. ЖАФ – 1995 г.; р. п. Кузоватово Кузоватовского района Ульяновской обл.; Журина А. Ф., 1939 г. р.; записала Шихова С. М. ИТЛ – 1998 г.; р. п. Старая Майна, Старомайнского района Ульяновской обл.; Ильина Т. Л., 1964 г. р.; записала Павлова О. Н.

Список литературы

1. **Весілля**: у двох книгах. Київ: Наукова думка, 1970. Кн. 1. 480 с.
2. **Ветлужская сторона** / под ред. А. В. Кулагинной; сост. А. В. Кулагина и В. А. Ковпик; нотировка песен Т. В. Кирюшиной. М. – Варнавино: Изд-во «Вектор ТиС»; ЛО «Московия», 2005. Вып. VI. Традиционный фольклор Варнавинского района Нижегородской области. 432 с.
3. **Виноградова Л. Н., Плотникова А. А.** Ряжение // Славянские древности: этнолингвистический словарь. М.: Международные отношения, 2009. Т. 4. П (Переправа через воду) – С (Сито). С. 519-525.
4. **Вяселле на Гомельшчыне**: фальклорна-этнаграфічны зборнік. Мінск: ЛІМФ «Нёман», 2003. 470 с.
5. **Гура А. В.** Конец свадьбы // Славянские древности: этнолингвистический словарь. М.: Международные отношения, 1999. Т. 2. Д-К (Крошки). С. 580-583.
6. **Енговатова М. А.** Венок смоленской невесты // Живая старина. 2008. № 4. С. 29-32.
7. **Ивлева Л. И.** Ряжение в русской традиционной культуре. Петербург: Российский ин-т истории искусств, 1994. 236 с.
8. **Лашенко С. К.** Заклятье смехом: опыт истолкования языческих ритуалов восточных славян. М.: Ладомир, 2006. 316 с.
9. **Лихачев Д. С., Панченко А. М., Поньрко Н. В.** Смех в Древней Руси. Л.: Наука, 1984. 295 с.
10. **Морозов И. А.** Женильба добра молодца: происхождение и типология традиционных молодежных развлечений с символикой «свадьбы»/«женильбы». М.: Государственный республиканский центр русского фольклора; Издательство «Лабиринт», 1998. 352 с.
11. **Народная традиционная культура Псковской области**: обзор экспедиционных материалов: в 2-х т. СПб. – Псков: Изд-во областного центра народного творчества, 2002. Т. I. 688 с.
12. **Подюков И. А., Хоробрых С. В., Антипов Д. А.** Этнолингвистический словарь свадебной терминологии Северного Прикамья. Усолье – Соликамск – Березники – Пермь: Пермское книжное изд-во, 2004. 360 с.
13. **Причитания и песни традиционной уральской свадьбы**: исследование, тексты, аудиоприложение / издание подготовлено Т. И. Калужниковой. Екатеринбург: Уральское изд-во, 2013. 762 с.
14. **Традиционная культура Муромского края**: экспедиционные, архивные, аналитические материалы: в 2-х т. М.: Государственный республиканский центр русского фольклора, 2008. Т. I. 536 с.
15. **Успенский Б. А.** Антиповедение в культуре Древней Руси // Успенский Б. А. Избранные труды. Изд-е 2-е, испр. и доп. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. Т. I. Семиотика истории. Семиотика культуры. С. 460-476.
16. **Успенский Б.** «Заветные сказки» А. Н. Афанасьева // Антимир русской культуры: язык, фольклор, литература: сборник статей / сост. Н. Богомолов; худ. Д. Шмилис. М.: Ладомир, 1996. С. 143-164.

17. **Финько О. С.** Лексика свадебного обряда Кубани (на материале обрядовой практики станицы Черноерковской Краснодарского края): дис. ... к. филол. н. Славянск-на Кубани, 2011. 248 с.
18. **Фольклор Сосновского района Нижегородской области** / сост. А. Н. Каракулов, И. А. Фалькова, К. Е. Корепова, Н. Б. Храмова, Ю. М. Шеваренкова; под общей ред. К. Е. Кореповой. Нижний Новгород, 2012. 505 с.
19. **Фольклорный театр** / сост., вступит. ст., предисловия к текстам и комментарии А. Ф. Некрыловой и Н. И. Савушкиной. М.: Современник, 1988. 476 с.
20. **Юрков С. Е.** Под знаком гротеска: антиповедение в русской культуре (XI – начало XX в.). СПб.: Летний сад, 2003. 210 с.

CLOWNISH WEDDING IN THE SYSTEM OF AFTER-WEDDING THEATRICAL SKETCHES OF THE RUSSIAN TRADITIONAL WEDDING

Matlin Mikhail Gershonovich, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Ulyanovsk State Pedagogical University named after I. N. Ulyanov
matlin@mail.ru

The article touches on the problem about the role and place of a clownish wedding performed by a false bridal couple in the Russian traditional wedding ceremony. The author reveals the methods for creation of a folk humour both in the appearance of a false bridal couple and in the actions performed by them and over them. The paper introduces a typology of a clownish wedding sketches, identifies their connection with a culture of folk humour.

Key words and phrases: Russian traditional wedding; theatrical sketches; world of humour; anti-behaviour; mummery; false wedding personage.

УДК 811.512.153

Филологические науки

До настоящего времени отсутствуют работы по комплексному изучению диалектизмов в произведениях национальных писателей, их систематизации и классификации, а также анализу взаимодействия и взаимовлияния диалектных явлений и литературной формы хакасского языка. В статье рассматриваются вокалические варианты фонетических диалектизмов, установлены параллели между литературными и диалектными формами. Основное внимание автор акцентирует на фонетических особенностях диалектов современного хакасского языка: сагайском, качинском, кызыльском и шорском. Вариантность в области фонетики широко представлена и в хакасском разговорном языке.

Ключевые слова и фразы: диалектология; хакасский язык; фонетические диалектизмы; вокализм; сагайский диалект; качинский диалект; шорский диалект; кызыльский диалект.

Медведева Марина Алексеевна, к. филол. н.
Хакасский государственный университет имени Н. Ф. Катанова
marina_medvedeva_71@mail.ru

ВОКАЛИЧЕСКИЕ ВАРИАНТЫ ФОНЕТИЧЕСКИХ ДИАЛЕКТИЗМОВ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ХАКАССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ[©]

Мастера оригинальной художественной литературы, описывая жизнь и быт народа, освещая проблемы, касающиеся различных сторон жизни общества, стремятся наиболее полно использовать изобразительные возможности своего языка, все его лексические пласты, всю силу воздействия слова, в целом, расширить стилистические функции слов литературного языка [20, с. 214].

Между диалектными словами и словами литературного языка существуют лексические, фонетические и грамматические различия. С этой точки зрения в лингвистической литературе выделяются диалектизмы фонетические, лексические и грамматические. Например, В. Н. Прохоров отмечает: «В зависимости от того, какие специфические черты диалекта передаются в диалектных словах, введенных в речевую ткань произведения, их можно классифицировать, выделяя диалектизмы лексические, морфологические, фонетические и др.» [13, с. 6].

В данной статье мы рассматриваем используемые в языке художественных произведений хакасских писателей фонетические диалектизмы в области вокализма.

Вариантность в области фонетики широко представлена в хакасском разговорном языке. В данном случае речь идет о вариантах слова в собственном, узком смысле, как регулярно воспроизводимых изменениях одного и того же слова, характеризующихся частичным различием его звукового состава.

Если диалектные слова по фонетическим закономерностям определенного диалекта приобретают форму, отличную от литературного языка, нормы которого зафиксированы в нормативной фонетике и грамматике хакасского языка, то такие слова считаются фонетическими диалектизмами. Например, такие характерные фонетические явления, как переход *o* в *y*, *j* в *e* (*хол* – *хул* «рука», *пјрик* – *перік* «шапка»), выпадение сонорных согласных *p*, *л* (*идерге* – *идеге* «делать», *чоохтириа* – *чоохтииа* «говорить») в сагайском диалекте, а также звуковое соответствие согласных *c/l*/*ч* (*кис* – *кичерге* «резать», *сас* – *чач* «волосы»), выпадение *p* после широких